

Джон (Пантелеймон)
Мануссакис
Бог после метафизики

Часть третья. Осязание

«что осязали руки наши...» –
1Ин:1

Если органом взгляда является глаз, а слух действует посредством уха, то чувствилище осязания – это не что иное, как вся наша плоть. Для плоти, горящей этой страстью, недостаточно видеть или слышать возлюбленного – она умоляет о прикосновении возлюбленного, она желает прикасаться и ощущать ответное прикосновение. Впрочем, наше тело – не просто орган соприкосновения; оно вообще наиболее остро претерпевает весь диапазон воздействий возлюбленного. Именно оно переживает трепет ожидания, бьется в муке,

Доспехи это аллегория кожи – покрывающего тело эпидермиса – или даже самого тела, которое, позволяя осязать его, в то же время оберегает от прикосновения то, что внутри него. В прикосновении особенно остро ощущается неприкосновенность: ведь то, к чему ты прикасаешься, – это никогда не Другой, это лишь кожа Другого, тело Другого, естественные доспехи плоти, непроницаемый покров заповедного святилища Инаковости, внутри которого Другой все равно остается неприкосновенным и неосязаемым.

Прикосновение несет не только наслаждение, но и его сестру – боль. Что означает это простое наблюдение? Разве не то, что в Воплощении Христа Сам Неосязаемый *par excellence* сделался телесным и уязвимым? Что Неприкосновенный осязается именно благодаря покрову плоти?

В Воплощении Сам Творец творит Себя по образу Своего творения – если при Творении Бог дал первому человеку дух, то в Воплощении человек дает Ему тело. Воплощение дополняет и завершает Творение, Здесь оказываются важны все смыслы полисемичного понятия «затронутости»: мы видим Личность Бога, настолько затронутого нашими проблемами, что Он исступает из Себя в любовном порыве *кенозиса*; **мы видим Его соприкасающимся с нашей человеческой природой, так что каждый из нас может физически или эмоционально затронуть Его, – и быть тронутым в ответ.**

Страх прикосновения Другого – это страх, порожденный нарушением установленных границ личности. Близость другого тела угрожает самой моей субъективности, чувству обособленности, обозначенной моим телом. Итак, как ни странно, жест, который я воспринимаю как угрожающий пролом в пространстве, определяющем меня как «Я», – это то же самое движение, которым изначально была установлена моя субъективность вопреки и в противовес Другому. Ведь именно посредством ***рукоприкладства*** (хватания, избиения, убийства Другого) я впервые осознал себя как отдельное и отличное существо.

Охота как таковая отделила охотника от добычи. Я становлюсь человеком. Впрочем, другим людям также ничто не препятствует оказаться в моих глазах животными. Впав в мои руки, другой человек утрачивает статус человеческого существа и обретает статус животного.

Войны имитируют племенную охоту и вновь запускают игру убийства. Рабов причисляют к другим животным, считая их наряду со скотом, и так к ним и относятся. Задержание и заключение – это институты, происходящие из практик ловли животных и содержания их в клетках. Другой, которым я могу манипулировать по своей воле и прихоти, занял место животного.

Осознание моего тела и, следовательно, как мы
вскоре убедимся, мое само-осознание как
субъекта всегда зависело от диалектических
отношений между схватывающей рукой и ее
инструментом. Инструмент всегда отсылает к руке,
ведь одно имеет значение только в связи с другим.

**Инструмент – это именно то, что
можно схватить: наше первое понятие.**

«*Для нас* не тело является первым и не оно нам
раскрывает вещи, а вещи-орудия в своем
первоначальном появлении указывают на наше
тело. Тело не является экраном между вещами и
нами; оно только обнаруживает индивидуальность
и случайность нашего первоначального
отношения к вещам-орудиям»

Ж.-П. Сартр. Бытие и ничто

Во многих отношениях, человек сумел
развить навыки речи благодаря своим рукам.
Поскольку ему не приходилось использовать
рот в качестве руки – чтобы хватать и
держать нужные вещи, как делает
большинство животных, – его уста
освободились для речи. Более того, «когда
человек наблюдал свои руки за работой,
производимые ими меняющиеся формы с
необходимостью отображались в его уме.
Без этого мы, возможно, никогда не
научились бы **формировать символы
вещей, а значит, и говорить**»

Ж. П. Сартр. Бытие и ничто

«Только то сущее, которое «имеет» слово (μῦθος, λόγος)» также может и должно «иметь» руку.

Рукой совершается молитва и убийство, знак приветствия и благодарения, приносится клятва и делается намек, и ею же осуществляется какое-нибудь ремесло («рукоделие»), делается утварь. Рукопожатием закрепляется нерушимая договоренность.

У зверя нет руки, и никогда лапа и когти не станут рукой. **Рука появляется только из слова и вместе со словом. Не человек «имеет» руки, но рука вбирает в себя сущность человека, потому что только будучи сущностной сферой действия руки слово является сущностной основой человека»**

М.Хайдеггер. Пармениду.

Когда душа сравнивается с рукою (ἡ ψυχὴ ὡς ὄπτερ ἡ χεὶρ ἐστιν - «душа есть как бы рука» Аристотель, О душе), это говорит о душе гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. **Ведь в «прикосновении» к вещам, которые она пытается познать, душа-рука получает ответное «прикосновение» окружающего мира.** Именно как «затронутая» в акте постижения, душа начинает осознавать себя. Она осознает себя как душу, «прикасающуюся» к миру. Это самосознание достигает невозможного – ведь можно сказать, что в некотором смысле душа, осознающая себя как душу, прикасается к себе самой. В каком-то фундаментальном отношении, кажется, что душа осознает собственное мышление только тогда, когда ее созерцанию предстает некий предмет; и, аналогично, субъект осознает свое восприятие – или, точнее, себя как ощущающий субъект, – только тогда, когда он воспринимает.

Медиальный залог глагола αἰσθαῖναι (чувствовать)

То тело, посредством которого я познаю все, что я познаю, остается для меня непознаваемым. В этом привилегия прикосновения: оно дает мне знание моего тела благодаря телу Другого. Прикоснуться можно только к телу Другого, ведь Другой является Другим, поскольку он или она может быть для меня инструментом, которым никак не может быть мое собственное тело.

Доступность Другого или его сопротивление моему прикосновению (мысленному или физическому) обеспечивает меня ощущением себя как себя. Я являюсь собой, поскольку могу схватить или задержать Другого, – который, именно ввиду моей способности подчинить его (ее), предстает как не-Я. Понятие Я не может возникнуть прежде понятия Другого и безотносительно к нему.

Душа способна осязать (т.е. познавать) себя только в осязании Другого. **Самосознание – это побочный продукт процесса осязания Другого.**

Также и с душой. **Чтобы познавать сущее, душе необходимо самой к нему не принадлежать.** Душа – это не *что-то* (*something*), потому что в таком случае она уже не могла бы быть *чем угодно* (*anything*), а если бы она не могла быть чем угодно, она не могла бы познавать.

«Некоторым образом душа есть все сущее» (ἡ ψυχὴ τὰ ὅντα πᾶς ἔστι πάντα;). Это, вероятно, самое странное и одно из самых темных мест трактата Аристотеля *De Anima*. Обычно его толкуют в том смысле, что душа способна *познавать* все формы сущего, а значит – быть всем (согласно Аристотелеву принципу единства мышления, *нус*, и мыслимого, *та ноумен*, и подобия чувств ощущаемому). Однако из этого утверждения вытекают далеко идущие следствия. Чтобы душа могла быть всем, сама она должна быть ничем из этого. Ведь если бы душа была каким-то определенным сущим, она не могла бы быть иной по отношению к себе самой, а значит, быть всем сущим .

Если схватывающая рука пыталась установить дистанцию, утверждая доминирование над Другим (подчиненным человеком, добычей, схваченным объектом), то ласка – это не что иное, как постоянное уничтожение дистанции, отделяющей меня от Другого.

Любопытно, что оба этих, казалось бы, противоположных жеста, принадлежат руке. Но в сущности, один предполагает возможность другого.

Скрадывание дистанции в ласке равнозначно забыванию насильственного характера прикосновения: ласкающая рука – это не что иное, как хватающая рука, которая забывает о насилии или отказывается от него. Или иначе: ласка – это тоже борьба за удержание Другого, но ее усилия изначально обречены на провал. Каждое касание руки к телу Другого – это знак неудачного стремления прикоснуться к Другому – ведь, «прикасаясь» к Другому, можно нащупать только вещь. Другой как Другой избегает моего схватывания, ускользает сквозь мои папысы: моим рукам доступен лишь кожный покров

Каждое поглаживание уверяет Другого в моем отказе от насилия, в отсутствии намерения схватить, ударить или убить. В каждом касании руки я слагаю с себя полномочия субъекта, которому вынужден подчиняться Другой. **Перед лицом субъективности Другого, точнее, именно чтобы позволить субъективности Другого проявиться, я должен отказаться от своей субъективности. Я должен осуществить или претерпеть добровольный кенозис.**

Я позволяю себе стать объектом для Другого.

Я становлюсь открытым и уязвимым по отношению к прикосновению Другого. Отсюда взаимность осязания: не может быть одностороннего прикосновения – прикоснуться означает сделаться прикосновенным – проявить себя в плотности